

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ /
HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDIES.
DOCUMENTS PUBLICATION

Серия «История»
2015. Т. 13. С. 112–132
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 336(571.51)(091)

О внутренних конфликтах в системе финансового управления Енисейской губернии

С. К. Черепанов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Реконструируется специфика конфликтных ситуаций, сопровождавших историческую бытность Енисейской казенной палаты на протяжении 70-х гг. XIX в. Критически анализируя весь арсенал источников, связанных с «енисейской историей» тех лет, автор вскрывает эволюцию коррупционного поведения руководства казенной палаты (Куртуков, Лаврентьев). В статье даются портреты красноярских чиновников, сумевших успешно противодействовать росту коррупции в Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейская казенная палата, коррупция, административные конфликты, историческая повседневность.

В нашей предыдущей статье «Лохвицкий versus Куртуков: опыт анализа внутривластной ситуации в Енисейской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в.» [40] мы рассматривали конфликт, разгоревшийся между недавно назначенным на должность начальника Енисейской губернии (далее – ЕГ) действ. стат. советником А. Д. Лохвицким и патриархом енисейской политической сцены председателем Енисейской казенной палаты (далее – ЕКП) действ. стат. советником П. М. Куртуковым. Этот конфликт имел широкий общественный резонанс. Активную роль сыграл в нем генерал-губернатор Восточной Сибири (далее – г.-г. В. С.) М. С. Корсаков, поддержка которого стала решающим фактором победы Лохвицкого, хотя определенные круги в Минфине (МФ) симпатизировали и поддерживали Куртукова [23, л. 12–13].

Участие Корсакова диктовалось желанием заполучить полный контроль над теми частями управленческого механизма ЕГ, которые до последнего времени ориентировались на собственного военного губернатора П. Н. Замятнина, назначенного по инициативе столичных министерских чиновников в 1861 г. без консультаций с Корсаковым, положение которого в тот период выглядело достаточно уязвимым [29, с. 61].

Из переписки красноярского протоиерея В. Д. Касьянова, ближайшего приятеля Куртукова, узнаем, что, по мнению служителей духовного ведомства, являвшихся перманентными участниками губернских подковерных интриг, «Петр Матвеевич не хотел сблизиться с Михаилом Семеновичем, а предпочел ему Павла Николаевича, поэтому должен был ожидать для своей чести угрозу. Так и сделано, а то давно бы носил звезду» [24, л. 8 об.].

Лохвицкий, будучи одним из доверенных людей Корсакова, заступив место Замятина, должен был сформировать управленческую команду из лояльных г.-г. В. С. чиновников (как правило, успевших послужить в Иркутске). Он выполнил поставленную задачу. Однако сразу же после смещения Куртукова сформированная Лохвицким команда превратилась в фантом. Более того, в лагере победителей вспыхнули гораздо более серьезные баталии, нежели те, что были связаны с противостоянием Куртукова и Лохвицкого. Однако «баталии» эти велись не по поводу перераспределения властных полномочий, а вокруг способов реализации этих полномочий. Подобное противостояние было, мягко говоря, нетривиальным явлением в административном аппарате Восточной Сибири. И ареной противостояния вновь становится ЕКП.

Поставленный на место уволенного Куртукова стат. советник А. Н. Лаврентьев, кандидатуру которого по личной просьбе самого Лаврентьева выдвинул Лохвицкий, сразу же попытался реанимировать «куртуковские порядки» в ЕКП. Одним из первых шагов председателя Лаврентьева стало направление в Минфин ходатайства об утверждении в должности бухгалтера Ачинского казначейства коллежского регистратора И. Подгорбунского, командированного туда Куртуковым на место незаконно уволенного им чиновника Я. Галушинского. И хотя решением Сената Галушинский был восстановлен в прежней своей должности, а все кадровые перестановки, произведенные Куртуковым после отстранения Галушинского, отменены, Лаврентьев проигнорировал сенатское постановление и отправил в МФ представление об утверждении Подгорбунского. Столичные чиновники не стали вникать в детали и утвердили лаврентьевское ходатайство.

Теперь в ситуацию пришлось вмешаться другому участнику «прогубернаторского лагеря», губернскому казначею ЕКП стат. советнику Н. Ф. Дингильштедту, вынесшему на своих плечах основное бремя противостояния с Куртуковым. Он оповестил о случившемся Лохвицкого и потребовал, чтобы тот унял своего ставленника Лаврентьева, угрожая поднять публичный скандал в связи со столь циничным попранием российских законов управленческой верхушкой Енисейской губернии. Лохвицкий, которого Лаврентьев откровенно подставил, вынужден был искать выход из патовой ситуации. Не желая привлекать судебные инстанции для отмены неправомочных лаврентьевских решений (что было бы равносильно признанию ничтожности его самого как губернатора), Лохвицкий утверждает лаврентьевское представление о назначении Подгорбунского ачинским бухгалтером, одновременно трудоустроивая законного ачинского бухгалтера Галушинского в контрольную палату «по его просьбе», затребовав при этом заявление от самого Подгорбунского о намерении уволиться из Ачинска при ближайшей вакансии. В итоге всех этих рокировок ачинским бухгалте-

ром в сентябре 1873 г. становится сын Н. Ф. Дингильштедта Константин, служивший до этого кассиром красноярского казначейства.

А что же Лаврентьев? Формально он «оправдался» перед губернатором, сославшись на то, что был «не в курсе» всех перипетий «дела Галушинского», а потому по неведению сделал представление об утверждении чиновника Подгорбунского в МФ 10 августа 1871 г. [5, л. 39–40]. Это откровенная ложь. Ведь резонансное дело о незаконном увольнении Галушинского возбуждал годом раньше сам Лаврентьев (после получения соответствующей резолюции Совета Главного управления Восточной Сибири (ГУВС)). В действительности этот поступок шел не от «незнания ситуации» и не от провала памяти; он был одним из звеньев в веренице шагов, предпринятых Лаврентьевым с целью восстановления куртуковских традиций в деятельности ЕКП. Главная из них – внушить окружающим, а в особенности своим подчиненным, что он, Лаврентьев, «сильнее» закона, что руководимая им палата будет действовать так, как выгодно ему, а не так, как это предписывает закон или интерес казны.

В этом случае ложь, клевета, интриги – незаменимый инструментарий. Возникает, правда, резонный вопрос: а как на это будет реагировать губернатор Лохвицкий, который только что «вышиб» со службы предместника Лаврентьева – Куртукова за его чересчур большую самостоятельность в управлении ЕКП? Как оказалось, Лохвицкий не желал реагировать на это вообще. Он вполне удовлетворился тем, что самостоятельные действия нового председателя ЕКП уже нельзя назвать бесконтрольными, так как сам он – ставленник губернатора. А губернатор – олицетворение законности и порядка в губернии. Прикрывшись этой силлогистической риторикой, Лохвицкий устранился от вмешательства в дела ЕКП.

Несомненно, взятый Лаврентьевым на вооружение инструментарий эффективно работал в его руках. Удивляться нечему: практиковать клевету и интриги Лаврентьев начал еще до прихода к руководству ЕКП. Уже первые шаги Лаврентьева в должности председателя Енисейского губернского правления (далее – ЕГП) в 1868 г. сопровождались клеветническими измышлениями в адрес своих сослуживцев, не разделявших «жизненной философии» чиновника Лаврентьева. К ним прежде всего относился стат. советник Ф. Е. Дубровин, исполнявший при губернаторе Замятнине должность председателя ЕГП и имевший более высокий классный чин, чем Лаврентьев. Желая избавиться от возможного конкурента и оппонента – сам Лаврентьев попал к руководству ЕГП достаточно случайно, – он извещает г.-г. В. С., что «советник Дубровин запятнал себя неприличным и недостойным поведением», не конкретизируя, впрочем, в чем, собственно, оно состояло [25, л. 5–8].

В противоположность этому поступил анонимный донос начальству Енисейской губернии, в котором отмечалось усердие к службе Дубровина. Исходя из этих сигналов, замещавший М. С. Корсакова К. Н. Шелашников поручил жандармскому начальству Красноярска собрать соответствующие сведения о Дубровине. Ответ, подписанный Н. И. Борком и А. Н. Баниным, оказался неожиданным. В нем Дубровин характеризуется как «человек скромный, тихий, добрый, честный, обходительный и по службе достаточно исправный... Живя в

Красноярске лишь год, как чиновник, прослуживший 34 года с явными признаками своей честной службы – бедности, он не может не возбуждать к себе симпатии». Как видим, результаты негласного наблюдения совпали с мнением автора анонимного письма, утверждавшего, что именно служебное усердие «навлекло на Дубровина общее негодование и недоброжелательство чиновных людей, старающихся везде и при всяком удобном случае извлекать собственные выгоды» [25, л. 5–5 об.]. Намек в адрес Лаврентьева более чем прозрачный!

То, что Лаврентьев готов был оклеветать человека ради сиюминутной выгоды или благосклонности начальства, показывает эпизод, также относящийся к 1868 г. Замещая губернатора, Лаврентьев по мере возможности пытался помочь младшему брату Антонину, исполнявшему тогда должность чиновника особых поручений при ЕСП, который на пару с губернским стряпчим Д. М. Павлиновым фабриковал уголовное дело против бывшего управляющего Троицким солеваренным заводом коллежского асессора Н. К. Липая по обвинению последнего в изготовлении фальшивых кредитных билетов. После того как следствию было предъявлено письменное поручение, данное Липаю подполковниками М. С. Купенковым и К. Ф. Кубе, прибывшими на завод для раскрытия связей работавших на заводе ссыльных, действительно изготовлявших фальшивые кредитки, с их сообщниками вне завода, в котором предписывалось продолжить миссию подполковников, войдя в доверительное отношение с изготовителями, Павлинов с Лаврентьевым-младшим переориентировались и предъявили Липаю новое обвинение – в неправильном учете провианта и фуража по заводу [3, л. 290–293].

К слову сказать, подобные «зигзаги правосудия» не были из ряда вон выходящими явлениями в Енисейской губернии, где уровень беспредела просто зашкаливал. «Полиция в Красноярске совершенно не соответствует своему назначению, – доносил в 70-е гг. жандармский штаб-офицер шефу жандармов. – Взять выкуп с явного мошенника, преступника и даже убийцы и выпустить его на свободу там вполне возможно» [38, л. 185]. Что ж, Лаврентьев внес свою лепту, содействуя росту коррумпированности енисейского чиновничества.

Продолжим отслеживать деятельность Лаврентьева на посту руководителя ЕСП. Весьма значимым событием может служить возвращение в состав ЕСП ранее уволенного минусинского бухгалтера коллежского секретаря Фомина. Обстоятельства увольнения примечательны. 16 февраля 1871 г. Н. Ф. Дингильштедт, исполнявший после отставки Куртукова должность председателя ЕСП, получил от минусинского бухгалтера Фомина конверт с 10-рублевой купюрой. Вскрыв при свидетелях конверт, Дингильштедт приказал срочно собрать присутствие палаты, на котором заявил, что отныне никаких поборов в виде «благодарности» за продвижение по службе, процветавших при Куртукове, не будет, а Фомина за попытку дачи взятки следует уволить от должности. Присутствие поддержало решение, о чем была сделана запись в журнале и сообщено губернатору. По истечении трех суток Лохвицкий уведомил ЕСП, что ее рекомендация об увольнении Фомина выполнена (а на место Фомина переведен Гончарский) [12, л. 14 об.–15].

Однако не прошло и четырех месяцев, как по инициативе нового председателя ЕКП Лаврентьева (вступил в должность 10 марта 1871 г.) Фомин вновь был принят на службу, теперь уже в штат хозяйственного отделения ЕКП помощником столоначальника.

Бесспорно, этот симптоматичный акт отчетливо продемонстрировал, от кого будут зависеть кадровые решения палаты и какие именно кадры любезны сердцу нового председателя Лаврентьева. Однако Лаврентьев вовсе не хотел с первых же шагов вступать в конфронтацию с неформальным лидером палаты Дингильштедтом, недавним союзником по антикуртуковской коалиции, авторитет и профессиональные достоинства которого признавались всеми безоговорочно. Поэтому действия Лаврентьева были осторожными и основательно просчитанными. Распознать, куда он клонит, переиграть его в подковерных интригах было практически невозможно.

Одним из самых сильных ходов Лаврентьева в его служебной карьере было «внедрение» в структуру ЕКП надворного советника Н. А. Никифорова, ставшего в дальнейшем ключевой для Лаврентьева фигурой. При этом само внедрение было произведено тонко и без какого-либо участия самого Лаврентьева. Как явствует из журнала ЕКП за февраль 1871 г., предложение о принятии на службу в ЕКП отставного тобольского чиновника Никифорова поступило от губернатора Лохвицкого. Причем губернатор предложил принять Никифорова в штат до открытия вакансий [12, л. 16]. Управлявший палатой в тот период Дингильштедт не счел возможным отказать Лохвицкому, и палата дала согласие на это предложение. Едва ли можно сомневаться, что за этой просьбой стоял Лаврентьев, который, придя к руководству палатой, будет протектировать Никифорову, защищая и поддерживая его в склоках и скандалах, которые Никифоров будет организовывать с завидной регулярностью по месту службы. К тому же Лаврентьев – единственный человек в ЕКП, который знал Никифорова еще по Иркутску. Не исключено, что между ними было обговорено некоторое «соглашение о сотрудничестве», позволившее 55-летнему Никифорову искать продолжения карьеры в Красноярске, где до этого он ни разу не был.

Несомненно, согласие на причисление Никифорова к ЕКП было дано авансом, без ознакомления с его аттестатом, который поступил из ЕГП, возглавляемого тогда Лаврентьевым, с месячной задержкой. Вряд ли это было случайностью. В аттестате за Никифоровым числилась недоимка в 288 руб. 96 коп., из коих 139 руб. 2 коп. – за чин надворного советника и за третнее жалование (аванс), а 149 руб. 94 коп. – на пополнение растроченной соли (недосдача при ревизии соляного магазина с возбуждением судебного делопроизводства) [13, л. 2 об.]. Присутствие ЕКП 2 марта предписало отделению казначейств произвести удержание этих сумм из жалования Никифорова (к этому времени он занял место чиновника Гончарского, попросившегося в Минусинск вместо Фомина).

Не успели урегулировать одну проблему, как возникла новая, имевшая более серьезные последствия. В начале марта 1871 г. Никифоров пишет на имя нового председателя ЕКП Лаврентьева докладную записку с просьбой о возобновлении ему добавочного жалования за 3 пятилетки, назначенного ему по должности киренского исправника, которое производилось из Иркутского ка-

значейства с 1859 г. на основе Высочайшего повеления, но за выходом в отставку в том же году прекращенное. Отделение казначейств ЕКП еще до «восшествия» Лаврентьева обсуждало эту ситуацию и, руководствуясь 1300-й ст. 3-го тома Устава о службе гражданской, оговаривающей все случаи возобновления прибавочных денег после выхода из отставки, вынесло отрицательное заключение, указав, что возобновление сибирской надбавки возможно лишь после выслуги новой пятилетки. Никифорова это не устроило, и он апеллировал к Лаврентьеву, который уговорил присутствие ЕКП послать ходатайство по данному вопросу на благоусмотрение Департамента государственного казначейства (далее – ДГК) [13, л. 13–15 об.]. Ответа на это (как и на подобные предыдущие послания) не последовало [35].

Лаврентьев учел полученный урок. До 1874 г. (когда по новым штатам сибирских КП резко возросли полномочия управляющего в ущерб присутствию) он старался добиваться своих целей тонкими, неконфронтационными методами. Постепенно ему удалось сплотить вокруг себя «старую казначейскую гвардию», оградив ее от претензий руководителя отделения казначейств ЕКП, требовавшего от подведомственных казначейств более качественной, более динамичной работы [15, л. 11–11 об.]. Грудью встал Лаврентьев и на защиту правой руки Куртукова – красноярского казначея коллежского секретаря А. В. Костинского, к служебной деятельности которого было много претензий.

При проверках контрольной палатой деятельности Красноярского казначейства постоянно обнаруживались нарушения: то отсутствует документальное подтверждение расходной отчетности, то всплывет нигде незафиксированная наличность (свидетельство игнорирования Костинским главной заповеди казначея – не покидать работы, пока не расписан приход и расход за день); то учетная запись окажется не там, где должна быть [19, л. 40; 20, л. 36–38]. Во всех таких случаях отделение казначейств добивалось соответствующей резолюции общего присутствия об устранении упущений. Добавим, что после того как Дингильштедт получил возможность реально воздействовать на кадровый состав казначейств, рекламации на посылаемую в ДГК отчетность не поступали (был единственный случай, когда не успели сменить устаревшие формы отчетности).

Само отделение казначейств, помимо текущей работы, вынуждено было разгребать завалы прошлых лет, приводя в порядок отчетные документы за предыдущие годы. (Напомним, что непосредственно перед увольнением Куртуков специально приводил в негодность старые дела, чтобы при ревизии невозможно было уличить его в незаконных действиях. Об этом сообщил присутствию ЕКП один из исполнителей куртуковского наказа чиновник Баранович, принятый вновь на службу и отправленный заново приводить в порядок старые дела). Так, в августе 1871 г., разбирая архивы Красноярского казначейства, отделение казначейств обнаружило систематическое неперечисление процентов на банковский капитал Приказа общественного призрения, размещенный в Енисейском отделении Госбанка. Последнему было предложено погасить задолженность, препроводив туда соответствующие ассигновки [18]. Однако это не было исполнено: в сентябре 1871 г. столичный ревизор П. Мелиневский открыл крупное хищение средств в Енисейском отделении банка на сумму

57 тыс. руб., образовавшееся вследствие того что управляющий И. Ф. Александров, контролер Н. Корштейн и кассир А. Кулаков взяли за правило заимствовать банковскую наличность на собственные нужды, оставляя взамен памятные расписки. Между прочим, по банковскому уставу общий контроль за деятельностью местного отделения возложен на управляющего КП региона. Впрочем, у того были более важные заботы.

В июне 1872 г. в поле зрения присутствия ЕКП попали результаты ревизий контрольной палаты отчетности Красноярского казначейства по обороту казначейских билетов за 1866–1870 гг. Ревизоры выявили систематическое недоначисление процентов по купонам, составившее суммарно 542 руб. 56 коп. [18, л. 69–60]. Это было уже прямым хищением казенных средств и грозило Костинскому уголовной ответственностью.

От председателя Лаврентьева потребовался максимум изворотливости, чтобы «прикрыть» своего приятеля Костинского (по свидетельству протоиерея В. Д. Касьянова, хорошо знавшего Лаврентьева и Костинского, они часто встречались в домашней обстановке – Лаврентьев снимал верхний этаж в доме Костинского, – играли в карты, обедали [30]). Лаврентьев, кстати, вместе с женой Куртукова, был крестным при рождении у Костинского сына. Затребовав объяснение открытых фактов от руководства Красноярского казначейства (Костинского, Дементьева, Ставровского), Лаврентьев «признал нужным для дачи Контрольной палате заключения на ее журнал иметь сведения о результатах ревизии по отчетности по купонам за предшествующие годы». Без этого из объяснений, полученных от вышеупомянутых чиновников, «не видно, чтобы все эти недоначисления были чем-либо, кроме *неумышленных ошибок в счетоводстве* (здесь и далее курсив мой. – С. Ч.)». Само же казначейство заявило, что «по прошествию 5 лет оно уже не может объяснить причины открытых упущений», тем более что «отчетность за 1866, 1867 и 1868 гг. уже обревизована, недоначисленные деньги внесены в доходный реестр, а черновые записи уничтожены» [18, л. 60–61 об.]. Однако контрольная палата (Н. А. Ковальский, Н. Е. Родюков) назвала объяснение Костинского ложным, а сами действия красноярского казначея – проступком, предусмотренным ст. 358 Уложения о наказаниях, и предупредила Лаврентьева, что сделает надлежащее представление в Госконтроль.

Отметим, что, характеризуя Костинского как чиновника, подлежащего уголовному преследованию, контролеры, по сути, выражали общественное мнение об этом человеке. Во-первых, Костинский был известен в чиновных кругах как завзятый картежник. На него в ноябре 1871 г. было заведено в ЕСП дело «Об азартной игре в карты губернского казначея Костинского с евреями-шулерами» [22]. А во-вторых, Костинский уже был фигурантом уголовного дела в связи со смертью казначея ЕСП А. Мелисова и растратой последним казенных сумм. Это уголовное дело вызвало широкий общественный резонанс. Фабула такова. 3 января 1866 г. в проруби реки Енисей был выловлен труп Мелисова. Как он оказался подо льдом, следствие не установило. Зато достоверно было известно, что в тот день Мелисов получил от Костинского из губернского казначейства 8034 руб. на нужды экспедиции о ссыльных, хотя накладная была

оформлена с грубым отступлением от закона: вместо трех подписей на бланке стояла одна – чиновника П. Грацианского. При утопленнике денег не обнаружили, что, однако, не помешало следователю Д. М. Павлинову выдвинуть версию о самоубийстве (после беглого осмотра тела городовым врачом Можаровым), которая устраивала все инстанции [4, л. 2–4].

Однако губернский суд отверг версию самоубийства: после повторной экспертизы на теле Мелисова нашли следы насилия. С 1872 г. дело расследовалось по двум эпизодам: убийство и растрата. Удивительно, но полиции не удалось найти ни одной кандидатуры на роль убийцы! Губернский совет, анализирувавший роль троих фигурантов дела о растрате, ограничился замечанием в адрес Костинского. Однако Совет ГУВС отменил это решение и постановил привлечь Грацианского и Костинского к суду. В итоговой резолюции ГУВС читаем: «Костинский был и попустителем и укрывателем совершенного Грацианским и Мелисовым преступления» [4, л. 14 об.]. Но, как водится в подобных случаях, суд не смог завершить расследование в 10-летний срок, и дело в 1882 г. указом Сената было прекращено.

Любопытно, что в начале 1875 г. Лаврентьев направил в адрес суда запрос, не будет ли нахождение Костинского под судом препятствием к награждению его чином статского советника, ссылаясь на то, что губернский совет освободил Костинского от ответственности, ограничившись замечанием, сам же Костинский внес залог в 3 тыс. руб. от могущего выпасть на него финансового начета. Судьям впору было хвататься за голову от такой наглости – ведь все решения губернского совета были отменены Советом ГУВС. Но ответили корректно: Лаврентьеву посоветовали внимательно читать законодательство [14, л. 136–136 об.]. Вопрос был закрыт.

Второе судебное дело против Костинского было открыто по результатам межведомственной ревизии отчетности Красноярского казначейства по обороту билетов государственного казначейства, проведенной Минфином и Госконтролем в январе – марте 1876 г. Проверка на столь высоком уровне была единственной после известных сенатских ревизий Толстого и Анненкова предыдущего царствования. Поводом послужили, с одной стороны, официальное донесение в Госконтроль от Енисейской контрольной палаты, в течение 5 лет фиксировавшей недоимки по доходам от оборота казначейских билетов в ведомстве Костинского, а с другой стороны, сигналы, поступающие в Минфин от собственных низовых структур. Аналогичные сигналы о неблагоприятном поведении Костинского шли через жандармское ведомство [26, л. 7]. На этом фоне непрекращающиеся заверения Лаврентьева, что все дело в «ошибках учета», по-видимому, перестали выглядеть хоть сколько-нибудь правдоподобными для руководства ведомства. К тому же иркутские газеты стали открыто выражать недоумение по поводу безнаказанности Костинского, кладущего доход по купонам в свой карман [39].

В ходе расследования комиссия, возглавляемая чиновником особых поручений МФ Петровским, установила, что *«нарушения по обороту билетов Госказначейства и неправильное начисление % по купонам наносило ущерб казне, размер которого почти с каждым годом увеличивался; все допущенные казна-*

чейством беспорядки составляли не просто ошибки, происходившие от незнания дела или небрежности его ведения, а преднамеренное, в ущерб интересам казны, злоупотребление, ответственность за которое предусмотрена в 374 ст. Общего счетного устава и ст. 342, 351, 354, 358, 362 и 474 Уложения о наказаниях» [2, л. 5].

Заключение Минфина, подписанное М. Х. Рейтерном, в 1877 г. было отправлено в Советы Главных управлений Восточной и Западной Сибири. В том же году Енисейский губернский суд возбудил против Костинского новое уголовное дело, которое вновь затянулось и было прекращено в 1886 г. по случаю смерти фигуранта (хотя суд счел умысел недоказанным). Следует заметить, что защищался Костинский виртуозно, сумев склонить на свою сторону местное духовенство, что дало ему возможность в 1878 г. избраться в городскую думу. Сам Костинский во всем винил «кадровую чехарду» в его ведомстве, из-за чего разные бухгалтеры по-разному вели учет, а он наивно полагался на их профессионализм.

Тем не менее следствие установило, что: а) *недопоступление в казну процентов по купонам происходило только при ведении отчетности самим Костинским, а при его отсутствии и ведении отчетности другими чиновниками казначейства подобной недосдачи никогда не наблюдалось; б) общая сумма оборота купонов не могла возникнуть ни при каких допустимых операциях.* Дело в том, что доход на 50-рублевый билет со сроком погашения 8 лет составлял 4,32 % годовых. Это составляло 18 коп. в месяц или 2 руб. 16 коп. в год. Сумма же итоговых выплат в учетных реестрах не была кратной ни 0,18 ни 2,16, т. е. ей неоткуда было взяться. Например, за 19 октября 1866 г. показано проданными 25 билетов и выдано за них в виде процентов 9 руб. 84 коп. Но подобные начисления не могли быть ни месячными, ни годовыми, так как 9,84 не делится без остатка на 0,18 или 2,16 [2, л. 44 об.]. Это доказывает, что сумма 9 руб. 84 коп. возникла за рамками допустимых казначейских операций, т. е. явилась результатом махинаций. Помимо этого были выявлены подмена билетов одного выпуска другими (серии билетов и купонов не совпадали) и многочисленные подчистки сумм в учетных реестрах.

И все же судьба была достаточно благосклонна к Костинскому. Будучи отстраненным от службы в ЕКП бароном Фредериксом, ему удалось отбиться от многих кредиторов, пристроить на службу сыновей и даже определиться в 1880 г. на службу самому в камеру губернского прокурора на ставку канцелярского служащего. Правда, пришлось продать дом, но осталась загородная фазенда и фруктовый сад.

Не менее впечатляющей была фигура наследника Костинского по Красноярскому казначейству Никифорова, утверждения которого Лаврентьев сумел добиться в МФ в 1876 г. Никифоров тоже был фигурантом двух судебных дел. Как следует из выданного ему аттестата по службе, в год поступления на службу в ЕКП, он стал фигурантом уголовного дела, возбужденного Тобольским судом по факту пропажи соляных сумм в размере 890 руб. (на долю Никифорова отнесено 149 руб.). Второе дело против Никифорова завел Енисейский губернский суд в 1879 г. после обвинительного вердикта Совета ГУВС по факту оскорбления чиновника И. Ледашнева. Но еще в 1874–75 гг. Никифоров мог стать фигурантом судебного разбирательства, если бы губернский совет не по-

становил ограничиться итогами досудебного разбирательства конфликта Никифорова с чиновником Н. Кривошеей.

Фабула этого конфликта следующая. После того как бухгалтером ачинского казначейства стал сын губернского казначея ЕКП К. Н. Дингильштедт, Лаврентьев пожелал компенсировать частичную утрату контроля над ачинским казначейством смещением недееспособного казначея надворного советника А. Беляева и утверждением вместо него своего протеже Никифорова. В мае Никифоров занял место ачинского казначея, а уже через 3 недели организовал первый громкий скандал, обвинив помощника бухгалтера этого казначейства коллежского асессора Н. Кривошею в нанесении ему (Никифорову) публично-го оскорбления. Никифоров подал рапорт Лаврентьеву, а тот потребовал от губернатора официального расследования. Лохвицкий дал соответствующее указание, и к следствию приступил заседатель ачинского окружного суда титулярный советник А. И. Курылев.

В ходе расследования выяснилось, что никаких оскорбительных слов в присутственном месте Кривошея Никифорову не говорил. Это подтвердили трое свидетелей – очевидцев произошедшего, показания которых рисуют неприглядное поведение самого Никифорова. В частности, Никифоров подговаривал крестьянина Гутова (из очевидцев) дать показания против Кривошеи, на что тот вначале согласился, но потом раскаялся и отправил следователю покаянное письмо. Узнав об этом, Никифоров оскорбил уже самого Курылева. Тот подал рапорт своему начальству. Таковы итоги формального следствия, поступившие в ЕКП [16, л. 132–142].

Ознакомившись с ними, Лаврентьев стал угрожать Курылеву судебным преследованием. Одновременно, пользуясь своими новыми полномочиями управляющего КП, Лаврентьев навязал присутствию ЕКП резолюцию о непрофессиональном ведении следствия Курылевым и о доказанности факта оскорбления Кривошеей Никифорова. Однако губернский совет, имея «на вооружении» «антилаврентьевский» рапорт ачинского исправника, предпрещавший позицию ЕГП, а также резко негативное отношение к Лаврентьеву губернского прокурора В. Ф. Долгушина, бывшего старшего ревизора контрольной палаты, по опыту знавшего о куртуковско-лаврентьевских «порядках», счел нужным не возбуждать никаких судебных разбирательств в отношении Кривошеи и постановил считать весь инцидент исчерпанным. Лаврентьеву пришлось согласиться с таким решением, так как от следующей инстанции – Совета ГУВС – ожидать чего-либо для себя благоприятного не приходилось даже в мечтах.

Однако новый скандал, инспирированный Никифоровым против чиновника Ледашнева, имел для него более неприятные последствия.

Началось все с того, что письмоводитель Красноярского казначейства коллежский секретарь И. И. Ледашнев в декабре 1877 г. стал нечаянным свидетелем того, как казначей Никифоров отгружал для собственных нужд с казначейского двора казенные дрова. Никифоров понял, что в любой момент может быть уличен в хищении казенного имущества, и стал искать повод, чтобы уволить Ледашнева. Поводов не находилось, и тогда казначей решил спровоцировать молодого чиновника на дерзость. С этой целью он написал на имя управ-

ляющего ЕКП Лаврентьева представление об увольнении Ледашнева в отставку и отдал его Ледашневу для официальной регистрации в журнале. Однако последний повел себя не так, как рассчитывал Никифоров. Молча зарегистрировав представление, он также молча переслал Никифорову записку, содержащую единственное слово «Дрова!». Прочитав, Никифоров возбудился, ворвался в помещение канцелярии, где сидел Ледашнев вместе с другими чиновниками, и у всех на виду обозвал последнего «скотиной», «грязным ничтожным человеком». В ответ Ледашнев сел писать рапорт на имя Лаврентьева, требуя защиты и проведения внутреннего расследования инцидента. Лаврентьев же под предлогом начала официального расследования отстранил Ледашнева от работы, надеясь, что нужда заставит небогатого чиновника позабыть про оскорбление и добиваться скорейшего восстановления полного оклада жалования.

Однако Ледашнев вместо этого отправил письмо Лохвицкому, прося защиты от незаконных действий руководства ЕКП и ставя вопрос о разворовывании казенного имущества казначеем, что требовало открытия судебного расследования. При этом он напомнил Лохвицкому об аналогичном эпизоде с Кривошеей в 1874 г. Одновременно Ледашнев сделал по всем позициям письменное обращение в канцелярию МФ.

Жалоба Ледашнева стала предметом разбирательства на губернском совете, который на этот раз поддался лаврентьевской демагогии и признал самого Ледашнева виновником случившегося, ограничившись замечанием Никифорову. Однако Ледашнев не думал сдаваться. Имея поддержку в чиновничьей среде Иркутска, он обжаловал решение губернской инстанции в Совете ГУВС. 19 февраля 1878 г. Совет ГУВС вынес заключение, поступившее затем в губернский суд. Поскольку в нем дана ясная и четкая критика лаврентьевской демагогии, приведем это заключение лишь с небольшим сокращением.

«По соображению обстоятельств дела Совет ГУВС находит, что свидетельскими показаниями достаточно выяснен тот факт, что Красноярский губернский казначей Никифоров оскорбил своего подчиненного, письмоводителя Ледашнева, явно неприличными словами во время отправления ими обоими служебных обязанностей, притом в присутственном месте. Таковое деяние Никифорова составляет проступок, предусмотренный ст. 400 Уложения о наказаниях и влечет за собой наказание по означенной статье... Между тем *Енисейский губернский совет, видя в деле весьма определенные данные к обвинению Никифорова, постановил свое заключение вопреки закону и обстоятельствам дела*, а именно: в первом пункте высказался о Ледашневе как о дурном чиновнике, не имея решительно никаких фактов..., напротив, Ледашнев представил при своем прошении г.-г. Восточной Сибири письменную характеристику, из которой видно, что он был на хорошем счету у своего главного начальника...

Что же касается до записки со словом «дрова» и прочее, то хотя Никифоров изъявил, что она была вложена Ледашневым с умыслом оскорбить его, Никифорова, однако этого ничто не доказывает; не видно, чтобы она могла быть для кого-нибудь оскорбительной, так как носит характер памятной заметки по хозяйству, вследствие чего и невозможно предполагать со стороны Ледашнева какой-нибудь злой умысел... *Потом во 2-м пункте своего заключения губер-*

ский совет напрасно находит разноречие в свидетельских показаниях, так как 2 показания под присягой свидетелей Немчинова и Монахова вполне подтверждают, что оскорбление было нанесено, а потому заключение к 2-му пункту также не представляется основательным. Третий пункт заключения губернского совета в виду вышесказанного сам собой [от]падает. Затем и четвертый пункт заключения губернского совета постановлен без всякого законного основания: во-1-х, нельзя считать изветом жалобу Ледашнева, так как она подтвердилась при формальном следствии свидетельскими показаниями, а во 2-х, уголовная ответственность есть ответственность индивидуальная, а потому значение какой-либо должности вовсе не может быть поколеблено, если представитель этой должности за совершенное преступление предан суду...

Заключение Енисейского губернского совета о назначении Никифорову наказания по своему усмотрению взамен наказания, определяемого законом, представляется противным закону, несовместимым с правовыми обязанностями губернского совета...

На основании высказанных соображений Совет ГУВС полагает журнал Енисейского губернского совета от 6 октября 1878 г. как постановленный вопреки закону, отменить, а красноярского губернского казначея Никифорова за указанный выше проступок с чиновником Ледашневым, предусмотренный ст. 400 Уложения о наказаниях, предать суду» [4, л. 4–7].

16 февраля 1879 г. Лохвицкий препроводил список ГУВС в губернский суд, и началось следствие по ст. 400 с целью определения наказания Никифорову.

Заключительный штрих к служебному портрету Никифорова дает дело об увольнении его от службы в конце 1880 г., инициированное новым управляющим ЕКП стат. советником Н. А. Гирсом. Вот выдержки из конфиденциального письма Гирса директору ДГК действ. стат. советнику Г. Ф. Тернеру: «С самого начала вступления моего в декабре минувшего года в управление казенной палатой, я убедился, что Никифорову по незнанию дела и грубому обращению с посетителями казначейства и подчиненными, не следовало бы занимать настоящую должность...» [8, л. 11]. Далее Гирс пишет, что хотел дать Никифорову дослужить 5-летний срок для начисления пенсии по нынешней должности, исходя из убеждения, «что Никифоров вполне честный человек... Между тем относительно честности его возникли в последнее время основательные сомнения, которые хотя и не могут быть доказаны формальным расследованием, но тем не менее нравственно убеждают в бесчестных поступках Никифорова...

1) Никифоров стал представлять завышенные авансовые счета за приобретение материалов для ЕКП; 2) при определении 12 октября с. г. акцизного сбора с управляющего винокуренным заводом Мильштейна, Никифоров занижил фактические показатели объема винокурения на 1000 руб., положил эту тысячу себе в карман. Узнав об этом от самого Мильштейна, я предложил Никифорову подать просьбу об отставке и одновременно с нею рапорт о болезненном состоянии, чтобы иметь основание для безотлагательного отстранения его от казначейских обязанностей и передаче дел начальнику 1-го отделения ЕКП г. Петрову» [8, л. 11 об–12].

Тернер ознакомил с этим письмом Управляющего МФ тайного советника С. А. Грейга, который изъявил согласие на увольнение Никифорова по болезни вовсе от службы. В дальнейшем Никифоров был признан виновным судом в оскорблении Ледашнева и получил наказание в виде штрафа 100 руб. и соответствующую запись в VII графе своего формуляра. Однако сумел в ходе апелляции добиться отмены приговора с явно абсурдной мотивировкой: будто бы суд (а ранее Совет ГУВС!) не учел некоторой противоречивости свидетельских показаний [8, л. 32 об.]. Читая подобные перлы, можно лишь посетовать на алчность отдельных служителей Фемиды да нехватку врачей, не справляющихся с диспансеризацией подобных психически нездоровых лиц.

Так завершилась «фантастическая» карьера Никифорова, который за 5 лет сумел при склочном характере пройти путь от порученца до руководителя центрального казначейства губернии. Разумеется, Никифоров всем обязан покровительству Лаврентьева. Но чем руководствовался многоопытный интриган Лаврентьев, делая ставку на Никифорова?

Наиболее вероятное объяснение, на наш взгляд, сводится к следующему. Первоначально, попав на место Куртукова, Лаврентьев надеялся воспользоваться теми же приемами личного обогащения, которые практиковал сам Куртуков, живя по поговорке: «Кормя казенного воробья, сумей прокормить и свою коровушку» [30, с. 241]. Эти приемы сводились, в конечном счете, к уводу части казенных средств в личный карман путем тонких махинаций с отчетностью и прямых денежных поборов с подчиненных ему чиновников ЕКП. Однако вскоре выяснилось, что при твердой и бескомпромиссной позиции начальника отделения казначейств Дингильштедта, открыто объявившего, что с практикой поборов навсегда покончено, и начавшего тотальный контроль за работой казначейств, лаврентьевским надеждам на восстановление куртуковских методов наживы не сбыться. Нужно было искать иные пути.

С середины 1872 г. Лаврентьев начал трансформировать куртуковский механизм, сделав основной упор не на внутренние поборы и обман государства, а на вымогательство денег у местных купцов и промышленников. Подобного поведения Куртуков не мог себе позволить, так как был теснейшим образом связан с этими слоями, будучи зятем одного из влиятельнейших купеческих заправил Власьевского, сумевшего «запудрить мозги самому г.-л. В. Я. Руперту и посадить своего скромного тестя в «губернскую четверку» с правом решающего голоса [31, л. 14]. Куртуков верой и правдой служил своим покровителям, помогал им уходить от налогов, спаивать инородцев, улаживать внутренние разборки и т. п.

Лаврентьев же был чужим для местной хозяйственной элиты человеком. Куртуковского авторитета он не имел, дискредитировать себя в глазах купеческого сословия не мог и не боялся этого. В такой ситуации ему нужен был столь же чуждый здешнему купеческому миру чиновник, который не постесняется требовать с «разжиревших воротил» взятки и откаты. Никифоров был для этого незаменимым.

С конца 1874 г. Лаврентьев, уверовав в безотказность и полнейшую безопасность для себя нового коррупционного механизма под вывеской «Никифо-

ров», начинает атаку на собственное ведомство, которое, по мнению Лаврентьева, «задолжало» ему генеральский чин. «... Более 6 лет в чине статского советника при одобрительном со стороны высшего начальства исполнении своих обязанностей... Все мои бывшие сослуживцы – Савинский, Поплавский, Яковенко – уже действ. статские советники и награждены первостепенными орденами. А я обойден!.. Прошу не из честолюбия, а для пользы дела... ведь с 1 января 1874 г. должность Управляющего КП стала далеко самостоятельной, а потому шлю свой формулярный список и прошу, Дмитрий Фомич (Кобеко. – С. Ч.), вашего содействия» [32, л. 44]. Кстати, в первый день января 1874 г., когда положение о новых штатах КП было распространено на Сибирь, Лаврентьев собрал своих подчиненных на торжественный молебен, о чем тут же телеграфировал в МФ М. Х. Рейтерну: «Все чиновники КП по совершенствованию молебствования в присутствии губернатора после тоста за здоровье государя императора пьют за здоровье Вашего Высокопревосходительства с искренней благодарностью за совершенное преобразование» [32, л. 44 об.].

Однако Минфин не реагировал на лаврентьевские выкрутасы. К тому же в петербургских («Голос») и иркутских («Сибирь») газетах стали появляться разоблачительные статьи, в которых хоть прямо и не упоминалась фамилия Лаврентьева, но его участие в скандальных делах, сотрясавших Енисейскую губернию, было очевидным. Имеем в виду публикации 1875–1876 гг., связанные с несанкционированным землеотводом городских земель под строительство мужского (Успенского) монастыря, о чем синодское начальство даже не было проинформировано. Когда же обер-прокурору Синода Д. Толстому стало известно об этом от шефа жандармов, было заведено дело «О неблагоприятных деяниях преосвященника Енисейского Антония и крайне неблагоприятных поступках иеромонаха Зосимы в деле устройства близ Красноярска мужского монастыря» [37]. Не менее резонансными были уже упоминавшиеся публикации «Сибири», в которых шла речь о махинациях с купонами красноярского казначея Костинского. Сам он не нашел ничего лучшего, чем опровергать газетные слухи, ссылаясь на непогрешимый авторитет своего начальника Лаврентьева. Как рассказывалось выше, приезд ревизии Петровского закончился отстранением Костинского от работы и полной дискредитацией самого Лаврентьева в качестве управляющего ЕКП. Даже Лохвицкий отвернулся от своего ставленника.

Помимо этого фамилия Лаврентьева фигурировала и в других подозрительных акциях (продажа недвижимости, которой Лаврентьев никогда официально не имел; денежные займы у третьих лиц под поручительство своих подчиненных [27; 28], самоуправство и манипуляции лесными угодьями и пр.).

По-видимому, финансовые проблемы были очень острыми для управляющего ЕКП. Потеряв надежду на поддержку своего ведомства, Лаврентьев понял, что если он в ближайшее время не запустит на полную мощность проект «Никифоров», то все может плохо для него закончиться. Надо признать, что для успешного продвижения Никифорова в губернские казначеи были неплохие основания: Никифоров ничем серьезным себя не скомпрометировал в глазах Минфина; к тому же он набрался опыта, отслужив более четырех лет в

должности минусинского и ачинского казначеев. Помимо всего прочего, Лаврентьев сознавал, что для чиновников МФ персоной нон грата является он сам, а вовсе не Никифоров, и решил сыграть на этом. Расчет оказался верным. Когда Лаврентьев приехал в Петербург для личного объяснения с Рейтерном о положении дел в ЕКП и просил министра утвердить Никифорова вместо Костинского, то ему пообещали выполнить эту просьбу в обмен на подачу прошения о собственном увольнении (по здоровью). Лаврентьев без проволочек согласился.

В конце августа 1876 г. был издан приказ о назначении Никифорова губернским казначеем, а в сентябре Лаврентьев выехал в родные края. Однако, прибыв в Красноярск, Лаврентьев взял назад данное А. Я. Гюббенету обещание, отправив в начале октября в ДГК телеграмму: «Имею честь донести, что по возвращении моем из Петербурга в Красноярск и по получении облегчения от болезни в пути следования, я имею честь вступить в отправление своей должности» [32, л. 68]. К сожалению, практика подобных обманов была в то время отнюдь не эпизодическим явлением.

Заканчивая рассказ о «трудническом» служебном пути Лаврентьева, упомянем историю, которая совершенно неизвестна сибирским историкам, но которая стала для Лаврентьева своеобразным Рубиконом, определившим его «жизненную траекторию». Речь идет о событиях, связанных с его увольнением из красноярской почтовой конторы в 1847 г., в которой делали карьеру его отец и братья, и переходе на службу в путевую канцелярию г.-г. Руперта. С этого времени «обход закона» становится стратегической линией поведения будущего начальника ЕКП.

В свое время вокруг этого перехода происходили настоящие баталии с участием двух министерств и Сената. Началось все с обращения овдовевшей в 1879 г. второй жены Лаврентьева Агафьи в МФ с требованием выплатить ей недополученную ее покойным мужем «сибирскую надбавку» за прослужение 4-й пятилетки в Сибири в размере 10 364 руб. [34, л. 12 об.]. Пикантность ситуации состояла в том, что Лаврентьев был сибирским уроженцем, проживал в Красноярске. Отец его, Николай Гаврилович, всю жизнь прослужил в почтовом ведомстве, куда устроил всех своих сыновей, включая Алексея. Но последний в 1847 г. уволился от службы, поехал в Петербург и там был определен в путевую канцелярию г.-г. Восточной Сибири. Таким образом, формально Лаврентьев попал в число сибирских чиновников из Петербурга, что дало повод руководству МВД платить ему сибирскую надбавку целых 3 пятилетки. И лишь в 1868 г., когда Лаврентьев отслужил свою 4-ю пятилетку и попробовал получить за нее очередную надбавку, Рейтерн сказал твердое «нет». Позиция МФ с тех пор не изменилась, и вдове Лаврентьева было отказано в выплате 10 364 руб. Тогда Агафья Никитична подала жалобу в Сенат, который затребовал мнение МВД по данному вопросу, а затем, рассмотрев доводы обоих министерств (оказавшихся полярными), вынес решение в пользу вдовы [34, л. 36–36 об.]. Однако Ф. Г. Тернер, бывший тогда товарищем министра финансов, оспорил его, и дело перешло на рассмотрение в собрание сенатских департаментов, которое в декабре 1888 г. приняло окончательное решение. В указе ЕИВ, данном Сенату 10 декабря, ходатайство Лаврентьевой объявлено не подлежащим удовлетворе-

нию. При этом все решения о назначении Лаврентьеву добавочного «сибирского» жалования были признаны ошибочными.

Поучительно привести аргументацию, выдвинутую Минфином и поддержанную Сенатом, чтобы у читателей не возникло ощущения, будто всему виной расплывчатость законодательных норм, а не настойчивое стремление самого Лаврентьева к манипуляции ими в корыстных целях.

«В определении (первоначальном. – С. Ч.) Сената, – пишет Тернер, – придается особое значение тому обстоятельству, что Лаврентьев был определен на службу в Путевую канцелярию г.-г. Восточной Сибири в то время, когда чиновник этот находился в Петербурге. Но Путевая канцелярия г.-г. не может быть отнесена к числу Сибирских учреждений... и если г.-г. и причислил кого-либо к этому неустановленному законом временному учреждению, то причисленные не могли пользоваться правами на службу, а еще менее теми преимуществами, которые установлены для служащих в отдаленных местах... Лаврентьев, как видно из его формулярного списка, был зачислен на службу в Канцелярию ГУВС только по возвращению в Иркутск, что полностью доказывает, что Путевая канцелярия не была даже каким-то отделением Канцелярии ГУВС, и что Лаврентьев был зачислен на действительную службу из отставки только по возвращении на родину после временной отлучки в Петербург (л. 39)... Если даже признать, что Лаврентьев был определен на службу в Сибирь, находясь в Петербурге, то и в этом случае на него не распространяется действие ст. 1284, ибо он несомненно принадлежит к числу местных уроженцев, и этого обстоятельства не может устранить его поездка в С.-Петербург...».

В первоначальном варианте резолюции 1868 г. находим дополнительные детали. «Отчисление от почтового ведомства Енисейской губернии состоялось 23 мая, а 31 октября того же года Лаврентьев был определен в путевую канцелярию в С.-Петербурге. Столь краткий промежуток времени между отставкой и новым назначением при отдаленности Петербурга от Красноярска дает полное основание предполагать, что Лаврентьев сопровождал Путевую канцелярию г.-г. в качестве вольнонаемного и затем был определен вновь на службу в Сибирь... Ежели признавать такие права за временно отлучившимися и получившими назначения за время отлучки, то это было бы равносильно допущению возможности обхода закона в самых широких размерах... К тому же сам факт назначения на службу в Путевую канцелярию г.-г. Восточной Сибири удостоверяется только формулярным списком Лаврентьева. Никаких копий данного приказа г.-г. нигде не оказалось. При таких обстоятельствах и за неуказанием в формуляре, по какому именно случаю Лаврентьев находился в С.-Петербурге, *остается весомое основание сомневаться в справедливости показаний формулярного списка Лаврентьева*» [34, л. 27–27 об.]. Добавим: есть и другие претензии к содержащимся в лаврентьевском формуляре сведениям. Например, по всем ранним формулярным спискам [21], хранящимся в фонде Енисейской почтовой конторы, он записан как сын почтальона. Но в формуляре 1874 г. и последующих годов, которые он рассылал в канцелярию МФ, Лаврентьев происходит из «духовного звания». Не менее сомнительны сведения об окончании им красноярского уездного училища – этот факт не отражен ни в одном раннем

формулярном списке Лаврентьева, хотя сведения об образовании служащих почтовой конторы фиксировались скрупулезно.

Таков был человек, почти 10 лет руководивший ЕКП. Перечень его неблагоприятных делишек легко может быть продолжен, но мы не станем этого делать. В то же время было бы большой ошибкой закончить рассказ о непростых для ЕКП 70-х гг. XIX в., не упомянув хотя бы вкратце о людях, которые противостояли «лаврентьевщине» и благодаря которым ЕКП удалось покончить с ее позорными традициями, – о Н. Ф. Дингильштедте и Н. А. Гирсе.

Статский советник Николай Федорович Дингильштедт (1824–1876) после окончания горного кадетского корпуса (1843 г.) служил в чертежной горного департамента; затем в течение 10 лет был бухгалтером и контролером во Временном распорядительном комитете по устройству южных поселений при Мингосимуществе. С 1866 г. перешел в ведомство Государственного контролера и был вскоре направлен старшим ревизором в Иркутскую контрольную палату. В марте 1868 г. подает прошение о переходе в МВД и служит старшим советником Якутского областного правления (с октября – начальником областного правления).

Зарекомендовал себя грамотным, инициативным чиновником, сумевшим через Госсовет добиться назначения на текущий год дополнительного (сверхсметного) кредита на покрытие вздорожавшего продовольственного пайка для чиновников отдаленных районов Якутии, несмотря на то что Александр II первоначально наложил «вето» на поданную вне предусмотренных сроков поправку [36].

После отъезда из Якутии в Енисейскую губернию Лохвицкого исполнял должность якутского губернатора. Но, страдая туберкулезом легких, вынужден был оставить этот суровый край. В ноябре 1869 г. по инициативе Лохвицкого получает назначение на должность губернского казначея ЕКП [1, л. 71–71 об.]. В конфликте Лохвицкого с Куртуковым активно поддержал губернатора. Как опытный и профессионально подготовленный чиновник, Дингильштедт умел находить выход из сложных, неординарных ситуаций. Вот пример. Летом 1870 г. Куртуков по долгу службы должен был отправиться для освидетельствования окружных казначейств. Но, опасаясь, что «его уйдут» (конфликт с Лохвицким был в разгаре), отправил вместо себя своих подчиненных – контролера Ф. Товстолеса и бухгалтера Н. Поздеева, не произведя никакого оформления их командировок. После того как Куртукова все же сняли, Товстолес и Поздеев остались без денег и обратились в апреле 1871 г. с просьбой о компенсации командировочных расходов к Дингильштедту. Николай Федорович сумел изыскать нужную схему оплаты не внесенных в смету расходов: суточные предложено было оплатить из поступающих в текущем году платежей по недоимкам за прошлые годы, а прогонные – из средств кредита ДГК, выделяемого на 1871 г., что в итоге и было санкционировано директором ДГК Д. П. Гавриловым [5, л. 30–30 об.].

Забываясь о повышении качества работы подчиненных, Н. Ф. Дингильштедт практиковал временный перевод более грамотных и профессиональных работников в неблагополучные отделения казначейств. В то же время он начал искоренять практику «службы на дому», распространенную при Куртукове,

когда под разными предлогами чиновники не являлись на работу. На этой почве возник инцидент с П. Протопоповым, которому не были зачтены 7 дней прогулов. И хотя присутствие палаты поддержало позицию Дингильштедта, удержанные деньги пришлось вернуть Протопопову в конце года (1871). Не успокоившись на этом, Протопопов в мае 1872 г. пишет новую жалобу губернатору, в которой обвиняет Дингильштедта в предвзятом отношении к некоторым подчиненным и, якобы, в слишком больших полномочиях, которые, по мнению жалобщика, связаны с высоким покровительством Дингильштедта. Протопопов пожелал узнать имена этих покровителей.

За подобным любопытством, безусловно, «торчат уши» Лаврентьева, которому действительно важно было знать, как вернее «нейтрализовать» своего оппонента (чем облегчило бы такое знание службу помощника столоначальника Протопопова, довольно трудно представить). В ходе нового разбирательства присутствие ЕКП снова осудило поведение Протопопова и поддержало требование Дингильштедта о передаче «дела об оскорбительных для его чести намеках» в судебные инстанции. Лаврентьев не смог что-либо возразить на прямое заявление губернского казначея палаты о том, что «он в продолжении всей своей службы не допускал ни к кому никаких пристрастных действий, в особенности к г. Протопопову, за которого напротив снисходительно ходатайствовал [7, л. 102] ... и что он хоть и старший по чину член присутствия, но не может допустить предвзятости как по долгу чести, так и по присяге» [16, л. 10–11]. Справедливость этих слов подтверждает изучение журнала ЕКП за 1870–1875 гг. Анализируя кадровые решения, предлагаемые Дингильштедтом, нельзя не заметить, что все они мотивировались фактором «пользы дела», которая обрисовывалась четко и конкретно, без демагогии. Другое дело, что в сознании рядового провинциального чиновника, «выдрессированного» в духе угождения начальству, с трудом усваивалась мысль, что карьерный успех может быть напрямую связан с честностью и профессионализмом, а не с «высоким покровительством».

При необходимости Николай Федорович умел защитить материальные интересы своих сотрудников, вынужденных подрабатывать вольнонаемными писцами, от претензий слишком ретивых ревизоров Контрольной палаты, не всегда поспевавшими за оперативными указаниями МФ [14, л. 2 об.–6 об.].

В марте 1876 г. в возрасте 52 лет он умер от чахотки. Его смерть стала знаковым событием для сторонников куртуковско-лаврентьевских традиций, привыкших править бал в Енисейской губернии [30, л. 142].

Николай Александрович Гирс также был воспитанником института корпуса горных инженеров. Выпущен в службу в 1849 г. пробирером Рязанской пробирной палаты. С 1852 г. служит в Алтайском горном правлении: в барнаульской чертежной, военно-судной комиссии, акцизном управлении. С 1865 г. причислен к Госконтролю и командирован в штат Енисейской контрольной палаты старшим ревизором. С ноября 1870 г. перемещен ст. ревизором Томской контрольной палаты. В 1873–1874 и 1876–1877 гг. командировается в С.-Петербург в ведомство Госконтролера. В декабре 1879 г. назначается управляющим ЕКП.

Обстоятельства назначения Гирса весьма драматичны, и мы кратко прокомментируем их. Первоначально на вакансию управляющего ЕКП после смерти в феврале 1879 г. Лаврентьева попросился действ. стат. советник Л. Ф. Титов, занимавший в 1871–76 гг. пост председателя ЕГП. После консультаций с Лохвицким, который проработал с Титовым около 10 лет (Якутск, Красноярск), кандидатура последнего была одобрена г.-г. Восточной Сибири П. А. Фредериксом и имела все шансы быть принятой. Однако в МФ понимали, что ждать от 68-летнего Титова каких-то существенных улучшений деятельности ЕКП не приходится. Поэтому когда от управляющего Томской контрольной палатой поступило ходатайство о назначении управляющим ЕКП стат. советника Гирса, ему дали «зеленый свет». Очевидно, немалую роль сыграло и то обстоятельство, что с 1879 г. управлял МФ бывший Госконтролер С. А. Грейг, лично знавший Гирса как грамотного и инициативного чиновника по его работе в Госконтроле в 1876–1877 гг.

Грейг в вежливой форме поинтересовался у Фредерикса, с чем связано желание Титова «спуститься вниз» по карьерной лестнице, сменив должность штатного советника ГУВС на пост управляющего периферийной казенной палатой. Фредерикс и сам не имел этому внятных объяснений, а потому счел за лучшее снять кандидатуру Титова и поддержать назначение Гирса [33, л. 40]. 23 декабря 1879 г. кандидатура Гирса была утверждена. Надежды ставивших на Титова радетелей куртуковско-лаврентьевских традиций рухнули.

Практически сразу Николай Александрович начал чистку кадрового состава ЕКП и подведомственных казначейств. На смену Полехову и Никольскому были назначены В. П. Петров и П. П. Фоняков. И. О. Белгородский, попавший в ЕКП из Тверской КП после сложной кадровой рокировки МФ за полгода до Гирса, сумел раскрыть свой ранее не востребованный профессиональный потенциал, став в скором времени доверенным лицом Гирса и начальником III отделения палаты. Из прежнего состава присутствия ЕКП сохранил свое положение лишь стат. советник В. М. Толстой, старейший член палаты. Но дело не только в том, что на ключевые посты пришли новые люди. Суть в том, что пришли люди, в честности и порядочности которых Гирс был лично убежден. Этим людям он «выдергивал» из разных городов и ведомств, проводя трудные межведомственные переговоры и убеждая свое собственное начальство поверить в них. Надо сказать, что другие ведомства не были в восторге от «утечки» хороших чиновников. С большой неохотой Томская контрольная палата согласилась отпустить в Красноярск Г. Ф. Знаменопуло, возглавившего «проблемное» Минусинское казначейство [9, л. 3–4]. Не сразу внял уговорам Гирса занять должность начальника I отделения ЕКП бывший учитель математики Тобольской гимназии, а затем смотритель училищ в Канске и Красноярске П. П. Фоняков, долгое время безвозмездно преподававший французский язык в различных уездных училищах [10, л. 10]. На место старого приятеля Куртукова енисейского окружного казначея В. О. Григоровича, уличенного в махинациях и растрате бланков патентов на сумму 12 234 руб. [11, л. 15–21], был назначен чиновник особых поручений Ф. М. Волков. Канский казначей В. П. Петров был

вначале переведен в ЕКП, а затем, после изгнания Никифорова, стал красноярским губернским казначеем [10, л. 6–7].

Помимо кадрового обновления Гирсом был завершен капитальный ремонт самого здания ЕКП и губернского казначейства, начатый при Лаврентьеве, но так и незаконченный по причине постоянного роста расходов, которые Лаврентьев умудрялся «выбивать» через технико-строительный комитет МВД [39, л. 4]. На торжественное освящение нового помещения палаты Гирс распорядился пригласить в качестве почетного гостя ветерана ЕКП П. М. Куртукова, который после увольнения со службы и потери большей части состояния, растраченного зятем, переживал тяжелые времена. Этот мудрый и человечный поступок Гирса стал по-своему поворотным событием: позорная страница истории ЕКП была окончательно перевернута. Можно было с оптимизмом смотреть в будущее...

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 1 к–1754. Д. 62.
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 4 к–2017. Д. 2829.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 659.
5. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 377.
6. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 403.
7. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 549.
8. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 631.
9. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 636.
10. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 697.
11. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 741.
12. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 212.
13. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 213.
14. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 220.
15. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 224.
16. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 225.
17. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 227.
18. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 228.
19. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 229.
20. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 247.
21. ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1.
22. ГАКК. Ф. 595. Оп. 42. Д. 54.
23. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4370.
24. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4387.
25. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 1866 г. Д. 7/ Ч. 14.
26. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 1871 г. Д. 145.
27. Енисейские губернские ведомости. – 1877. – № 41. – С. 2.
28. Енисейские губернские ведомости. – 1878. – № 27. – С. 3.
29. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 2002.
30. Протоиерей В. Д. Касьянов. Дневники. – Красноярск, 2012. – Т. 1. – С. 51, 58, 87, 117, 143.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 207. Оп. 5. Д. 203.

32. РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 303.
33. РГИА. Ф. 560. Оп. 16. д. 578.
34. РГИА. Ф. 560. Оп. 18. Д. 347.
35. РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 2106.
36. РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6097.
37. РГИА. ф. 796. Оп. 156. Д. 1546.
38. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 212.
39. РГИА. Ф. 1286. Оп. 37. Д. 714.

40. *Черепанов С. К.* Лохвицкий versus Куртуков: опыт анализа внутривластной ситуации в Енисейской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – Т. 12. – С. 51–62.

Internal Conflicts in the Financial Administration of Yeniseysk Governorate

S. K. Cherepanov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. The article attempts to reconstruct specific nature of conflicts peculiar to Yeniseysk Treasury Chamber in the 1870s. Critically examining all the resources, related to the history of Yeniseysk Governorate of the XIXth century, the author reveals the evolution of corruptive actions of the Treasury Chamber's chief executives (Kurtukov, Lavrentyev). The author describes functionaries of Krasnoyarsk, who could resist the growth of corruption in Yeniseysk Governorate.

Keywords: Yeniseysk Treasury Chamber, corruption, administrative conflicts, everyday routine.

Черепанов Сергей Константинович
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, Гуманитарный
институт
Сибирский федеральный университет
660025, Красноярск, ул. Вавилова, 31–77
тел.: 8(983) 16-565-86
e-mail: sksk52@mail.ru

Cherepanov Sergey Konstantinovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy, Institute
of Humanities
Siberian Federal University
77–31, Vavilov st., Krasnoyarsk, 660025
tel.: 8(983) 16-565-86,
e-mail: sksk52@mail.ru